

Из близких родственников Тредиаковского оставалась в живых лишь одна сестра Мария со своим маленьким сыном. О ней писали Л. Н. Майков,¹⁷ П. П. Пекарский¹⁸ и сам Тредиаковский.¹⁹

Возникает вопрос, каково было имущество родителей Тредиаковского и в чьих руках оно оказалось после их смерти. Имел ли отец писателя свой собственный дом, или его семья проживала в церковном доме?

В прошении, адресованном на имя Сената, Тредиаковский, не указав ни вида, ни размера имущества родителей, писал: «... а отеческое мое наследие за небытностью там моею как движимое, так и не движимое, все по рукам растащено».²⁰

В разгар эпидемии чумы в Астрахани представители светской власти покинули город и не возвращались сюда до конца 1728 года. Пользуясь безвластием, преступные элементы занялись расхищением имущества вымерших семей. Той же участи, видимо, подверглось и движимое имущество Тредиаковских. Если отец Тредиаковского имел свой дом, сад и пр., то все это, согласно указу Астраханского губернатора от 28 апреля 1729 года за № 35,²¹ должно было поступить в распоряжение Марии Кириловой, сестры Тредиаковского, владешей, как видно из документов, некоторое время имуществом, оставшимся после смерти снохи Федосьи. Из-за этого имущества впоследствии возникла судебная тяжба между Марией Кириловой и отцом умершей Федосьи — Фадеем Кузьминым. 15 декабря 1728 года Фадей Кузьмин подал челобитную на имя астраханского губернатора И. А. Фонменгена, в которой писал: «... в прошлом 723 году зять ево астраханского архиерейского дому певчей Василий Кирилов волею своею бежал из Астрахани в Москву и в Санкт-Петербурх, а по отъезде своем жене своей, а ево челобитчиковой дочери Федосье Фадеевой на прокормление ничево не оставил...».²² Фадей Кузьмин сообщал, что свекор Кирилл Яковлев, отказав снохе в материальной поддержке, все же выделил ей для обзаведения хозяйством часть земли из принадлежащего ему огородного участка, на что дал собственноручное дарственное письмо на имя сына Василия следующего содержания: «Поп Кирил Яковлев сыну своему Василию Кирилову дал часть огорода своего ему Василию в наследие, а именно: которая часть от соседа нашего Наума Панфилова мерою в длину бугра от межн реченного соседа Панфилова в середине и по концам обоим тридцать сажень, а поперечнику упустила от плетней, что у ерика две сажени на дорогу, которая дорога мне будет на свой огород, а другой конец до ельменя и аще сын мой Василий станет прихватывать или прибавлять к своему месту своего огорода в длину бугра на лишней земле за тридцать сажень, кроме моей воли, нет благословения, аще же по моей воли, да будет благословен. А сие письмо я поп Кирил писал своею рукою».²³

Для обзаведения домом Федосья Тредиаковская заняла в долг у своего отца Фадее Кузьмина «сто один рубль с полтиною». На эти и на вырученные от продажи личных вещей деньги она поставила в огороде «жилую избу с сенми, конюшню, погреб с напосребицею плетневой, чигирь с принадлежащим к нему строением да городьбу кругом огорода плетнем построила, также яблони и прочие деревья разводила...».²⁴

¹⁷ «Журнал Министерства народного просвещения», 1897, июль, отд. 2, стр. 7.

¹⁸ П. Пекарский. История императорской Академии наук в Петербурге, стр. 96.

¹⁹ «Москвитянин», 1851, № 11, кн. I, стр. 230.

²⁰ Там же, стр. 228.

²¹ ГААО, ф. 394, оп. I, ед. хр. 166, л. 81.

²² Там же, л. 165.

²³ Там же, л. 166.

²⁴ Там же.